

УДК 398.91

doi: 10.18101/1994-0866-2017-6-215-221

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ: СПЕЦИФИКА ЖАНРА

© *Гымпилова Сэсэгма Дмитриевна*

кандидат филологических наук, научный сотрудник,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: gymps@rambler.ru

В статье рассматривается специфика бытования одного из популярных жанров устного творчества монгольских народов — пословиц и поговорок. Отмечено, что пословицы, как и другие жанры традиционного фольклора монгольских народов, в современный период утрачивают свои архаичные мотивы. Некоторые из них переосмысливаются, обретают новые черты. В современных условиях забываются лаконичные изречения, связанные с ранее существовавшей облавной охотой у бурят, а также уходят из сферы активного бытования архаичные пословицы, разграничивающие роль женщин и мужчин в обществе. Рассматривая поэтику паремий, можно сказать, что своего высокого художественного совершенства они достигают яркими сравнениями, антитезой, эпитетами, повторами, метафорой, иносказанием и другими изобразительными средствами. Поэтически богатые образы берутся из окружающей действительности, быта их творцов, в чем и проявляется национальная специфика пословиц и поговорок монгольских народов. Сравнительный анализ пословиц, поговорок бурят, калмыков показал, что меткие изречения не только бытуют как самостоятельный жанр, но и являются необходимыми компонентами в структуре фольклорного произведения, выполняют в нем различные функции. Специфика пословичного жанра также заключена в особом поэтическом строе языка и связана с актуализацией этнокультурной информации в определенных речевых ситуациях, поэтому пословицы и поговорки служат одним из важнейших источников изучения фольклорной картины мира. Автором выявлены особенности бытования, поэтики пословичного жанра, а также функции паремий в структуре монгольских фольклорных текстов.

Ключевые слова: устно-поэтическое творчество; паремии; монгольские народы; специфика жанра; функции пословиц.

Афористическая поэзия монгольских народов является одной из развитых и мобильных жанров фольклора, неотъемлемой частью духовной культуры и речевого богатства этноса. Пословицы и поговорки бурят, монголов, калмыков наиболее ярко показывают различные стороны жизни их творцов и носителей. В них отражена особая национальная ментальность, воплощены общемонгольские фольклорные традиции. Пословицы и поговорки — постоянно развивающийся фольклорный жанр. Каждое поколение вносит новые заключения, вытекающие из жизненного опыта своего времени.

В пословицах нашли отражение различные запреты, ранее существовавшие у бурят: «Ядааб гэжэ харгыдаа уйлахойема» — От горя

нельзя плакать по дороге; «Яргааб гэжэ орондоо дуулахойема» — От счастья нельзя петь в постели (записано С. С. Бардахановой от С. Е. Ероновой в с. Ныгей Баяндаевского района Иркутской области).

У бурят сохранились афоризмы, отражающие древний обряд захоронения шаманов. Их после смерти не предавали земле, поднимали на высокий помост, сделанный в лесу, используя растущие крепкие деревья. Поэтому у бурят-шаманистов сохранилась пословица: «Амида модон — аранга, хуурай модон — хуурсаг» — Живое дерево — помост, сухое дерево — гроб (записано С. С. Бардахановой от С. В. Сонтохонова в с. Второй Бахай Баяндаевского района Иркутской области). Смысл такого захоронения, по объяснению С. Сонтохонова, заключается в том, что душа шамана быстро вознесется вверх и приблизится к бурханам. Разные афористические выражения до настоящего времени сохраняют прежний смысл: все в руках всевышнего.

Как и другие жанры традиционного фольклора монгольских народов, пословицы в современный период утрачивают свои архаичные мотивы. Некоторые из них переосмысливаются, обретают новые, современные черты. Такой процесс, неумолимо изменяющий пословичный фонд, вне всякого сомнения, должен изучаться фольклористами. Предки монгольских народов вели кочевой образ жизни, но в современных условиях забываются афористические выражения, связанные, например, с ранее существовавшей облавной охотой у бурят: «Абада гархадаа ардагаа бэлдэ» — Отправляясь на охоту, подготовь своего коня. До недавнего времени бытовала пословица: «Хадада харбахан homo олохо үбэй, харида ошоһон басаган олохо» — В гору пущенная стрела не находится, в чужой род выданная девушка найдется (ЦВРК ИМБТ СО РАН, инв. № 111).

Постепенно уходят из сферы активного бытования архаичные пословицы, как бы разграничивающие роль женщин и мужчин в обществе. К такому относится ныне забытая бурятская пословица: «Һаадагта хүни ябаһан газарта һаншагта хүн бү ябаг» — Где ходит человек с колчаном, пусть не ходит имеющая волосы на висках (ЦВРК ИМБТ СО РАН, инв. № 111).

Тематическое богатство пословиц и поговорок определяется многообразием жизненного материала, на основе которого можно проследить своеобразие отражения различных исторических событий, характерных особенностей труда и быта творцов и носителей фольклора. Каждая эпоха вносит свои коррективы в пословицы и поговорки, созданные предыдущими поколениями. Однако краткость, лаконичность народных изречений способствуют наиболее легкому запоминанию и передаче их в дальнейшем без особых изменений. В силу этого пословицы и поговорки по сравнению с другими жанрами фольклора, особенно эпическими, оказались наименее подверженными влиянию нового времени.

Отметим, что пословицы и поговорки монгольских народов в большинстве своем отражают их мировоззренческие установки, нравственно-этические устои, эстетические ценности и предпочтения, выражают широкий круг понятий, с помощью которых даются нравственные оценки человеческим качествам. Специфика этих жанров заключена в особом поэтическом строе языка и связана с актуализацией этнокультурной информации в

определенных речевых ситуациях. Появление новых умозаключений, оценочных суждений сопровождается переосмыслением содержания традиционных изречений. Наиболее удачные из них по-прежнему актуальны, передаются из уст в уста и становятся известными далеко за пределами своего региона бытования.

Изучение паремий монгольских народов показывает, что возникновение и развитие пословичного жанра по сравнению с другими жанрами фольклорной системы имеют свои особенности. Если героический эпос, сказка, легенда или предание функционируют на определенной стадии общественного развития, отображая события и явления тех исторических эпох, то пословицы и поговорки активно бытуют на протяжении всего исторического развития общества, фиксируя изменения, происходящие в повседневной жизни народа, в его традициях, обычаях, мировоззрении.

Наряду с изречениями, сформулированными в основном двумя-тремя удачно подобранными словами, имеется огромное количество пословиц, выраженных в форме двустушии. Составные части двустушии представляют собой в основном короткие, лаконичные, ритмически организованные строки, сопоставляемые между собой. Определенную художественно-выразительную роль в пословицах бурят, монголов играет аллитерация, которая основана на созвучиях начальных слогов и звуков, на повторении одинаковых звуковых сочетаний. Наиболее распространенной является аллитерация начальных звуков полустушии:

Хуурай модон хунгэн, Худал үгэ хуурмаг.	Сухое дерево легкое, Лживое слово фальшивое [4, с. 63].
--	--

Монг.:

Аваагүй байхад авгай сайхан , Алаагүй байхад, үнэг сайхан .	Девушка до замужества красива, Лисица, когда жива, красива [7, с. 1].
--	--

Можно сказать, что пословицы монгольских народов в большинстве своем являются поэтическими миниатюрами. Так, аллитерация в начале пословиц способствует объединению стихотворных строк в строфы:

<u>Калм.</u>	<u>Бурят.</u>	<u>Монг.</u>
Цалгин аман бузр, Цалднгийн йовдл бузр [7, с. 66]. Рот ворчливого нечист, Поступки рассеянного нечисты.	Үүр бэе зобоохо, Уула мори зобоохо. Гнев человека мучает, Гора коня мучает.	Хоолтой чоно хонгилд, Хоосон чоно хоморгонд [8, с. 102] Сытый волк в норе (отлеживается). Голодный в облаву попадает.

Наряду с аллитерациями, обуславливающими стройное и гармоничное начало изречений, бурятским, монгольским пословицам присущи и рифмы, при помощи которых достигается благозвучие в окончаниях стихотворных строк, а также создают ритмичность, мелодичность стиха, усиливают выразительность народных изречений и возможность их эмоционального воздействия на людей.

Умелое использование приема антитезы, разных антонимов, например в бурятских пословицах, очень убедительно раскрывает характер контактов, противоречий, содержащихся в смысле суждения, изречения. Усиливается эмоциональная окраска пословицы, акцентируется, подчеркивается высказываемая мысль. Антитеза позволяет живо, рельефно сопоставить хорошее с плохим, положительное с отрицательным. Например:

Хайн хүн харьдаг шэнги. Хороший человек — как скала.
Муу хүн модон шэнги. Плохой человек — как дубина [4, с. 63].

Однородные звуки в силу своей повторяемости в отдельных словах, строках или в целых афористических выражениях способствуют интонационно-звуковому выделению пословиц в общем речевом потоке, невольно привлекая к себе внимание слушателей.

Для многих изречений монгольских народов характерны повторения не только одинаковых звуков, но и одних и тех же слов, особенно глаголов, прилагательных, существительных в конце полустихий:

Тэнэг **хобдог** тогоо **һасиха**, Глупый обжора котел стережет,
Сэсэн **хобдог** гал **һасиха**. Умный обжора огонь стережет [4, с. 66].

Монг.:

Бух **отловч**, бярунда **зов**. Хоть бык и старый, теленку верен.
Чоно **отловч**, ишгэндэ **зов**. Хоть волк и старый, козленку верен [8, с. 18].

Употребление одинаковых выражений, повторение одних и тех же слов для определения однородных явлений, тавтология являются характерными признаками для фольклорных произведений монгольских народов.

Большая часть афоризмов, в частности бурятских, создана путем использования приемов сравнения, которые в большинстве своем передаются с помощью слов «шэнги», «мэтэ»: «Үгэ мэдэхэ үгээ хүндэ үгэ хэлэхэдэ, үхэрэй эбэртэ таряа сасаһан мэтэ» — Что объяснять непонятливому человеку, что сыпать зерна на рога быка — одинаково [4, с. 66].

Также среди образных средств бурятских, монгольских афоризмов значительное место занимают эпитеты, подчеркивающие одну из характерных, типичных сторон, основную черту определяемого предмета:

Хабтагар түлээн гал гутааха, Широкое полено огонь портит,
Харуу эзы гэр гутааха. Скупая жена дом портит [4, с. 67].

Монг.:

Муу эм гэрийн новш, Плохая жена — сор для дома,
Мохолцог мод уулын новш. Голье деревья — сор для горы [8, с. 49].

Многочисленные эпитеты, употребляемые в пословицах, могут дополнять друг друга, уточнять определение одного из свойств изображаемого предмета, а также характеризовать его с разных сторон, начиная с родовых понятий о нем и кончая некоторыми качественными признаками. Поэтически богатые образы берутся из окружающей действительности, быта их творцов, в чем и проявляется национальная специфика пословиц и поговорок монгольских народов.

Исследование современного бытования афористических выражений бурят, монголов, калмыков показывает, что они не только активно функционируют как самостоятельный жанр, но и тесно связаны с другими фольклорными жанрами, особенно с героическим эпосом, сказками, легендами, преданиями, загадками. Это также характеризует одну из специфических черт пословичного жанра монгольских народов, подчеркивает широкие возможности употребления их в других фольклорных жанрах. Пословицы, содержащие в себе философский, морально-эстетический смысл, вводятся в эпические, сказочные повествования сказителями, практически не утрачивая при этом своих жанровых признаков.

На основе анализа образцов афористической поэзии монгольских народов выявлено, что паремии не только являются необходимыми компонентами в структуре фольклорных произведений, но и выполняют в них конкретные функции:

1) служат поэтическим средством образной характеристики эпического или сказочного героя: «Хүбүүн бэшэ хүдэри, эрэ бэшэ эрдэни» — Не парень, а исполин, не мужчина, а сокровище [2, 4429–4430], «Эрэ хүн гэртээ түрэхэ, хээрэ үхэхэ» — Мужчина рождается в доме, а умирает в степи [5, с. 155], «Залу куунэ укл эжго эрм цаһан кодэд» — Смерть удалого молодца в безлюдной белой степи [6, с. 220];

2) являются компонентом зачина в улигере: «Сагай юунэй сарюундаа, сахилза юунэй хүхэдээ» — Когда время было прекрасным, когда [трава] ирис была зеленой [3, с. 11];

3) служат завязкой отдельных эпизодов сюжета, таких как мотивировка героя к действию: а) поиски и сватовство невесты: «Бэһэмни худайн мүрөөр, бэемни хүрьгэнэй мүрөөр» — Кушак мой — по пути сватовства, а сам я — по пути зятя [9, 1091–1092], «Qanz ku'n ku'n bolduga, qanz zuzl qal bolduga» — Когда скотина потеряна, [речи ведут] медленнее [поступи] вола [6, с. 428]; б) возвращение домой: «Хариин хүбүүн харида багтахабэй, хандагайн сүмэгэн тогоондо багтахабэй» — Чужеземец на чужбине не уживется, берцовая кость лося в котле не поместится [1, 1824–1825];

4) употребляются в качестве концовки отдельных эпизодов фольклорного произведения: «Хүн хадаа болоо ло, үдэжэ ябахандаа, өөрйө хүшөөр олохо юумэ, үтэлжэ ошходоо үриез хүшөөр һууха юмэ байнал» — Человек, пока в расцвете сил, сам себя обеспечивает, когда же состарится он, поддержкой детей живет [2, 10551–10555], «Албатын һайн арада, агтын һайн эбэртэ» — Хорошие подданные — за спиной в тылу, хорошие скакуны — впереди» [5, с. 94];

5) выполняют эмоциональную функцию, например, чувство переживания, беспокойства героя: «Үдэри ханаан, хүнийн зүүдэн боложо» Стали дневными помыслами, ночными сновидениями [1, 3373–3374];

6) употребляются в качестве просьбы героя сказки: «Алаха адуунай шуһыень абадаг юм, алаха хүнэй үгэ абадаг юм» — У скота при забое кровь выпускают, человеку перед смертью слово дают [5, с. 202];

7) отдельные виды пословиц, видоизменяясь, выполняют функцию благопожеланий, например: «Дайгаа дараарайгты, даагыни сүүлдээр-эйгты» — Врага своего победите, лончака за хвост поймайте [10, с. 68].

Таким образом, паремии монгольских народов, являясь самостоятельным жанром, в то же время органически входят в состав более крупных произведений, выражая их сущностное начало, вбирая в себя их общее содержание, формулируя его при этом предельно сжато и лаконично. Наряду с традиционными пословицами и поговорками активно рождаются новые афористические выражения, затрагивающие изменения в жизни, быту. Народ активно использует в разговорной речи меткие изречения, поэтому пословичный жанр живет полнокровной жизнью, развивается и обогащается.

Литература

1. Абай Гэсэр / зап. И. Н. Мадасона от П. Петрова; вводная часть, коммент., пер. А. И. Уланова. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1960.
2. Абай Гэсэр хүбүүн — Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос / зап. Ц. Жамцарано от М. Имегенова в 1906 г.; пер. А. Б. Соктоева. М., 1995.
3. Агын үльгэрнууд. Агинские улигеры / сост. П. Балданжапов. Улан-Удэ, 1961.
4. Бардаханова С. С. Малые жанры бурятского фольклора. Улан-Удэ, 1982.
5. Бурятские народные сказки. Бытовые / сост. Е. В. Баранникова [и др.] Улан-Удэ, 1981.
6. Жанһр. 1 боть. Элиста, 1985.
7. Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы. Элиста, 1972.
8. Монгол цэцэн угийн дадай. Боть I. Улаанбаатар, Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1964.
9. Улигер «Арбан табан наһатай Алтан Дуурай Мэргэн» (рукоп. вариант) // ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. № 15. С. П. Балдаев, инв. № 519.
10. Улигеры олонских хамниган / сост. Д. Г. Дамдинов. Новосибирск: Наука, 1982.

PROVERBS AND SAYINGS OF THE MONGOLIAN PEOPLES: SPECIFICS OF THE GENRE

Sesegma D. Gympilova

Research Assistant,

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS,

6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia

This article studies the specific features of one of the popular genres of the Mongolian peoples' oral tradition — proverbs and sayings. It is noted that present proverbs, like other genres of Mongolian traditional folklore, lose their archaic

motifs. Some of them being reinterpreted take new features. In modern conditions laconic utterances associated with the pre-existing burglar hunting among Buryats are forgotten, as well as archaic proverbs that separate the role of women and men in society. Considering the poetics of paremias, we can say that they achieve their high artistic perfection with vivid comparisons, antithesis, epithets, repetitions, metaphors, allegories and other pictorial means. Surrounding reality becomes a source of poetically rich images, in which the national specificity of Mongolian proverbs and sayings is manifested. The comparative analysis of Buryat and Kalmyk proverbs, sayings has shown that they do not only belong to an independent genre, but they are the essential components in the structure of folklore works, performing there certain functions. The specificity of proverbial genre also lies in a special poetic structure of the language and it is associated with the actualization of ethnocultural information in certain speech situations, therefore proverbs and sayings serve as one of the most important sources for studying the folkloric picture of the world. In the article we have revealed the features, poetics of proverbial genre, and the functions of proverbs in the structure of folklore texts.

Keywords: oral poetry; minor genres; paremias; the Mongolian peoples; the specifics of the genre; the functions of proverbs.